

книг, разделенных на части, которые, в свою очередь подразделяются на разделы, последние дробятся на параграфы, которых в законе насчитывается более 400. Нормативный правовой акт такого уровня позволяет установить детальную регламентацию предмета правового регулирования, в чем автор лишний раз убедился, изучая осенью прошлого года в Берлине на базе материалов, любезно предоставленных коллегами из ведущей немецкой юридической фирмы Gleiss Lutz, практику применения корпоративного законодательства Германии.

В отечественном акционерном законе, напротив, с завидным постоянством встречаются конструкции правовой неопределенности, в результате чего при рассмотрении корпоративных споров решающее значение приобретает не воля законодателя и не содержание правовой нормы, а то, как закон понимается и толкуется судами в лице конкретных судей. Особая роль судебного усмотрения, далеко не всегда положительная, как справедливо отмечал И.А. Покровский², есть прямое следствие обилия «каучуковых» норм в акционерном законе, которые делают и сам закон «каучуковым». В свете сказанного трудно переоценить то значение, которое имеет для применения акционерного закона судебная и арбитражная практика.

Особая роль субъективного фактора в процессе осуществления правоприменительной деятельности широко известна. В Древнем Риме авторитет знатоков права был настолько высок,

¹ Российская газета. 2004. № 290.

² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 89–105.